

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

«Автор»

2026

Рудых С. А.

Три часа пятнадцать минут / С. А. Рудых — «Автор», 2026

Родниград — серый, унылый город, где единственное развлечение подростков — школа и сплетни. Но когда школьница Катя Липова погибает, упав с крыши, следователь Лев Громов понимает: это не самоубийство. Странные синяки на теле, остановившиеся ровно в 3:15 часы и загадочное видео — лишь начало цепочки ритуальных убийств. Кто-то методично приносит в жертву подростков, превращая их смерть в мистический обряд. За этим стоят «Кровавая тройка» — трое в масках Момо, — и их цель не просто убивать. Они пытаются открыть дверь в новый мир, где время течёт иначе, а мёртвые могут вернуться. В погоне за правдой Громов сталкивается с тенями прошлого, предательством коллег и правдой, которая способна разрушить реальность. Смогут ли он остановить ритуал, когда следующей жертвой может стать его собственная дочь? Мистический триллер о том, как далеко можно зайти, пытаясь исправить ошибки прошлого ценою настоящего.

© Рудых С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Глава 1. Серый снег Родниграда	6
Глава 2. Три пятнадцать	8
Глава 3. Сова	11
Глава 4. Тишина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Рудых

Три часа пятнадцать минут

Оглавление

- Глава 1. Серый снег Родниграда
- Глава 2. Три пятнадцать
- Глава 3. Сова
- Глава 4. Тишина
- Глава 5. Колокол
- Глава 6. Трещина
- Глава 7. Выбор
- Глава 8. «3:15 — не время»
- Глава 9. Кровавая двойка
- Глава 10. А что потом?

Глава 1. Серый снег Родниграда

Родниград поздней зимой оказался не тем городом, который рисовала туристическая брошюра. В ней писали о чистом воздухе, сосновых лесах в округе и звании самого «зелёного» города области. На деле это означало лишь то, что здесь было тоскливо, а единственным развлечением для подростков служили школа да разговоры о том, кто в кого влюбился.

Меня зовут Иван, и эта история — не обо мне. Я просто человек, который оказался рядом.

В то утро Коля опоздал на пятнадцать минут. Я ждал его у школьных ворот, переминаясь с ноги на ногу в луже растаявшего снега.

— Проспал, — выдохнул он, подбегая. Рюкзак болтался на одном ремне, волосы торчали в разные стороны. — Мать вчера устроила допрос до двух часов.

Я хмыкнул. Коля врал легко и красиво — дар, которому я откровенно завидовал.

— Опять про Катю? — спросил я.

Он не ответил. Только улыбнулся уголком губ и показал на браслет на запястье — сплетённый из чёрного и розового бисера, явно сделанный вручную. Катя дарила. Катя вообще была щедрая на такие вещи.

Катя Липова училась классом младше. Я знал её ровно настолько, чтобы отличить в толпе: тёмные волосы, аккуратный бант, тихая и какая-то слишком правильная. Учителя её любили за старание, сверстники — за то, что никогда не лезла в конфликты. В общем, серая мышь, если бы не одно «но».

Коля рассказывал их историю как анекдот.

— Она на велик под колёса бросилась! — хохотал он в столовой. — Нет, ты представь: я просто закрыл глаза на секунду, открываю — а она лежит!

Катя в тот день сидела за соседним столом и краснела так сильно, что даже уши становились пунцовыми.

— Ты сам меня сбил! — пискнула она, но без обиды.

Их отношения развивались стремительно. Через неделю после аварии на велосипедах — встреча. Через месяц — браслеты. Через два — Коля уже начал поглядывать на девчонок из параллели.

Я заметил это раньше, чем он сам.

Утром к нашей компании присоединились Даня и Арсений. Даня травил пошлые анекдоты из паблика «Подслушано», Арсений смеялся громче всех, даже если не понимал шутки. Хорошие ребята. Пустые, но хорошие.

— О, Катя! — крикнул Коля, заметив фигурку у крыльца.

Она стояла, кутаясь в длинный шарф, и смотрела в телефон. Обычно Катя появлялась в школе за пятнадцать минут до первого звонка — у неё кружок фортепиано по утрам. Но в тот день она пришла раньше.

Или не уходила вовсе.

Я не придал этому значения тогда. Зря.

— Проспала, — ответила Катя на вопрос о раннем появлении. Голос был ровный, но что-то в нём сквозило — как трещина на льду, которая вот-вот разойдётся.

Коля подошёл, обнял её за плечи. Она не отстранилась, но и не ответила.

— Проводить после уроков? — спросил он.

— Нет. У меня бабушка. И кружок.

— Ты в прошлый раз тоже так говорила.

— Потому что это правда.

Она улыбнулась, но взгляд остался пустым. Я подумал, что мне показалось. Ведь Катя всегда была такой — тихой, немного рассеянной, правильной. Но какой рассеянной? Ту, которая забывает, зачем пришла в магазин? Или ту, которая думает о чём-то настолько страшном, что мелкие дела вылетают из головы?

Мы разошлись по классам.

Школьный день тянулся как резина. Русский, математика, биология, перемена, снова уроки. На физике я ловил взгляд Коли — он писал сообщения кому-то под партой, улыбался в экран. Не Кате. Катя не отвечала.

После шестого урока я пошёл в туалет. Возвращаясь, свернул не в тот коридор и наткнулся на Катю. Она стояла у окна на лестничной клетке третьего этажа и смотрела вниз.

— Ты чего? — спросил я.

Катя вздрогнула и обернулась. Глаза красные, но слёз нет.

— Иван... — Она помолчала. — Ты хороший друг Коли?

— Наверное.

— Скажи ему... — Она замолчала, закусила губу, потом тряхнула головой. — Ничего. Просто скажи, что я на кружке.

Она ушла быстрыми шагами, оставив меня с привкусом тревоги на языке.

Я не сказал Коле. Я вообще не придавал этому значения. Потому что в пятницу вечером я сидел дома, смотрел дурацкий сериал и готовился к контрольной по алгебре, а Катя поднималась на крышу своего дома.

Чёрный браслет из бисера она держала в кулаке.

Видео длилось восемь секунд. Потом — удар в спину. Потом — падение.

Следователь потом скажет: спина убитой была чистой. Если человек прыгает сам — он летит лицом вниз или головой. Но Катя упала на спину.

Её толкнули.

— Коля, я тебя люблю, — сказала она в последнем кадре. А потом вскрикнула, и запись оборвалась.

Я узнал обо всём утром в субботу. Мне позвонил Арсений и сказал: «Вань, там новости по городу показывают. Катя... Катя умерла».

Я набрал номер Коли. Он не ответил.

Я бросил телефон на кровать и долго смотрел в потолок. За окном всё ещё падал серый, липкий снег — тот самый, которым гордились туристические проспекты.

Родниград готовился к весне. А Катя — нет.

Глава 2. Три пятнадцать

— Она встречалась с Рудниковым Николаем. Расстались накануне.

Следователь Громов произнёс это без эмоций, просто констатируя факт. Он стоял в трёх метрах от тела, за синей лентой оцепления, и смотрел на асфальт. На асфальте, если не присматриваться, не было ничего — серая, мокрая поверхность с разводами соли.

Если присмотреться — там был силуэт.

— Мать говорит, девочка была «в порядке», — продолжил Громов, зачитывая заметки в блокноте. — Училась нормально, друзей хватало, конфликтов не было. Обычный ребёнок.

— Обычные дети не прыгают с двенадцатого этажа в двенадцать часов ночи после короткого видео, где признаются в любви бывшему парню, — возразила Евгения Следова. — И не оставляют на руках синяки от пальцев взрослого человека.

Громов поднял бровь.

— Ты уже успела провести осмотр?

— Я успела заметить очевидное. Ты бы тоже заметил, если бы не делал вид, что это самоубийство.

Они не любили друг друга в хорошем смысле. Евгения — пять лет в убойном отделе, сто двадцать раскрытых дел, привычка называть вещи своими именами. Лев — три года в СК, худой, светловолосый, с лицом университетского преподавателя, который в свободное время ходит в тир и стреляет лучше любого оперативника.

Вместе они работали редко. Вместе они не проигрывали.

— Камеры? — спросил Громов.

— Одна на дом. Запись обрывается в 23:47 — технический сбой.

— Удобно.

— Очень.

С крыши спустился эксперт в синем бахиле. Он держал в руке маленький зиплок с чем-то тёмным и блестящим.

— Следы волочения, — сказал эксперт. — На перилах — ткань, синее волокно, похоже на перчатки или рукав куртки. Она не сама подошла к краю. Её подтащили.

Громов взял пакет, посмотрел на свет. Волокно было плотным, с металлическим отливом — не из дешёвой одежды.

— Вызовите мать, — сказал он. — И парня. Этого... Рудникова. У меня к нему вопросы.

Коля пришёл в отделение через два часа. С ним была мать — плотная женщина в дорогой куртке, с лицом, привыкшим к тому, что её слушаются.

— Вы не имеете права его допрашивать без адвоката, — заявила она с порога.

— Мы проводим беседу, — мягко ответил Громов. — Никакого протокола. Просто разговор.

— Николай, ты можешь молчать, — отрезала мать. — И вообще, почему вы не ищете настоящего преступника, а цепляетесь к мальчику? Эта девчонка была нестабильна. Я сразу сказала Коле, что от неё одни проблемы.

— Вы были знакомы с погибшей?

— Нет. И не хотела.

Громов взглянул на Колю. Парень сидел, уставившись в стол, и молчал. Его лицо было бледным, но не от шока — от сдерживаемого напряжения. Он не плакал, не дрожал. Он сжимал пальцы в кулаки и смотрел в одну точку.

- Николай, — Громов сел напротив. — Когда вы расстались с Катей?
— Во вторник, — ответил Коля, не поднимая глаз.
— По чьей инициативе?
— Моей.
— Почему?
— Не сошлись характерами. Мы же подростки, бывает.
— Она говорила что-нибудь о смерти? О том, что не хочет жить?
Коля поднял голову. В его взгляде мелькнуло что-то — страх или злость.
— Нет.
— Она звонила вам в ночь гибели?
— Мы вообще перестали общаться после расставания.

Врал он красиво — это я уже говорил. Но сейчас я смотрел на него со стороны, через монитор в соседней комнате, куда меня посадила Евгения.

— Иван, — она положила руку мне на плечо. — Ты сказал, что он в тот вечер переписывался с кем-то. С Аленой?

- Да, — кивнул я. — С Аленой. Подругой Кати.
— И в ночь смерти он тоже был онлайн?

Я вспомнил скриншоты, которые Коля показывал в школе. Он часто хвастался переписками, потому что ему нравилось, что две девочки пишут ему одновременно.

— Да, — сказал я. — Он был онлайн до часу ночи.

Евгения и Громов переглянулись.

— Спасибо, Иван, — сказала она. — Иди домой. И... не рассказывай пока ничего Коле.

Тело второй девочки нашли в воскресенье утром.

Она лежала у подножия шестого этажа в старом городе. Руки аккуратно сложены на груди, кроссовки сняты и стоят рядом — чистые, как будто их только что достали из коробки. Часы на запястье остановились ровно в 3:15.

— Такие же синяки, — сказал Громов, присев на корточки. — Втащили силой.

Телефон погибшей нашли в кармане куртки. Последнее сообщение было отправлено в 3:14 неизвестному номеру. Текст: «Они сказали, что я очищусь. Мне страшно. Мама, прости».

В папке «Избранное» оказалась видеозапись. Катя на крыше своего дома, с браслетом в руке, восемь секунд, обрыв.

— Одного не понимаю, — сказала Евгения, когда они вернулись в машину. — Если это убийца, зачем ему эти видео? Почему он не стирает их?

— Потому что это не следствие, — ответил Громов. — Это ритуал.

— Что?

— Ты сама сказала — восемь секунд. Три пятнадцать утра. Синяки на руках. Снятые кроссовки. Это не убийства, Женя. Это жертвоприношения.

Он завёл двигатель.

— И сегодня, в 3:15, — добавил он, — где-то в этом городе будет третье.

В 2:58 ночи, пока следователи ехали по пустынной набережной, мне пришло сообщение от Коли.

Я не спал. Я вообще перестал спать после того, как увидел фотографию Кати на асфальте. Коля: Ты знаешь, что такое «Кровавая тройка»?

Я не ответил. Я смотрел на экран, чувствуя, как по спине ползёт холодный мураш.

Коля: Она просила меня не рассказывать. Но теперь... мне кажется, они убьют нас всех.

«Они». Не «он».
Я набрал номер Евгении.

Глава 3. Сова

В 3:15 я услышал взрыв.

Не сирену, не хлопок — именно взрыв, от которого дрожит земля и небо становится белым на секунду. Я выбежал на балкон и увидел в небе фиолетовую вспышку — где-то за рекой, в районе старых складов.

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, без текста — только символ. Сова.

И ссылка на трансляцию.

Я открыл её дрожащими пальцами. Прямой эфир с камеры, закреплённой высоко над городом — на колокольне заброшенной церкви, которую в школе называли «Ведьминой». В кадре был алтарь. На алтаре — девочка. Её лицо закрывала маска Момо, та самая, из мемов 2018 года: широкие глаза, неестественная улыбка, чёрные волосы по плечи.

Она не шевелилась. Вокруг алтаря горели свечи, образуя круг, а на стенах танцевали тени.

— Иван, не смотри, — сказала мама, заходя в комнату. — Выключи это сейчас же.

Но я не мог. Потому что девочка в маске повернула голову — прямо в камеру — и прошептала:

— Первая пала. Вторая пала. Третья падёт сегодня. А вы, Громов и Следова, смотрите и запоминайте. Это не город. Это жертвенник.

Громов и Евгения ворвались в церковь через пятнадцать минут.

Алтарь был пуст. Свечи погасли, маска валялась на полу — дешёвый пластик, купленный в интернет-магазине. Но сцена была не бутафорской. На стене — те же символы, что и в подъезде Кати и во дворе второй жертвы: переплетённые круги, стилизованная сова, цифры 3:15.

— Она знала наши имена, — сказала Евгения.

— Она знала наши адреса, график работы, номера машин и то, что мы завтракаем в «Москвиче» по вторникам, — поправил Громов. — Это не просто убийца. Это кто-то из системы. Или тот, кто имеет доступ к базе.

Он поднял маску и перевернул её. На внутренней стороне, чёрным маркером, было написано: «Архив №13».

— Что это значит? — спросила Евгения.

Громов побледнел. Он посмотрел на неё взглядом, которого она раньше не видела — в нём смешались ужас и какая-то древняя, давно похороненная вина.

— Это значит, — сказал он, — что я знаю, кто следующий.

Макс, эксперт, прибыл в морг через час. Он нёс под мышкой старый ноутбук, в зубах — бутерброд, и выглядел так, будто не спал трое суток.

— Фантастика, — сказал он, наклоняясь над второй жертвой. — Просто фантастика.

— Что именно? — спросил Громов.

— Часы. Они не сломались от удара. Их остановили. Изнутри. Механизм заблокирован микроскопической металлической стружкой — такой, какая остаётся, если долго тереть шестерёнки магнитом. Кто-то готовил это заранее. За сутки, а может, и за неделю до смерти.

— То есть время убийства было запланировано?

— Больше, чем запланировано. Оно было частью ритуала. 3:15. Три секунды. Пятнадцать минут. — Макс достал из кармана распечатку. — Я прогнал данные по первой жертве. У Кати

на телефоне было приложение-шагомер. В 3:15 ночи она сделала последний шаг. Не прыжок. Шаг. Как будто кто-то подвёл её к краю и сказал: «Иди».

— Значит, третья, — Евгения обернулась к Громову, — умрёт завтра в 3:15.

— Если мы её не найдём раньше.

Громов достал телефон и набрал номер. Я видел это по скриншоту, который мне позже скинула Евгения (она доверяла мне, потому что я был единственным, кто не врал).

Громов: Анна, архив №13, срочно.

Анна (напарница, голос): Лев, его закрыли десять лет назад. Там твоё дело. Елены.

Громов: Знаю. Поэтому и звоню. Открой его до завтрашнего утра. Иначе третья жертва — это я.

Он ошибся только в одном.

Третьей жертвой стала не девочка. И не он.

В 3:15 следующего дня в реанимацию поступил Максим Тайгин — с отравлением неизвестным нейротоксином, с ожогами ладоней второй степени и с диктофоном в кармане, на котором было записано одно слово.

«Предательство».

А потом его палата опустела. А потом в окне кабинета Громова появилась маска Момо.

А потом — тишина.

Глава 4. Тишина

Макс очнулся в реанимации через двое суток.

Он не помнил, как его нашли. Не помнил, зачем пошёл в архив №13. Помнил только свет — фиолетовый, жгучий, проникающий сквозь закрытые веки, — и голос Жени, зовущий его по имени.

— Ты говорил про колокол, — прошептал Макс, когда Громов наклонился над койкой.

— Что?

— В архиве. Там было дело Елены. Она нашла колокол. Не тот, что в церкви. Другой. — Макс закашлялся, на губах выступила кровь. — Они ищут её дочь. Третья жертва... это не я. Это...

Глаза закатились, монитор запищал чаще.

— Врача! — крикнул Громов.

Медсестра вкатила каталку, оттеснила его к двери. Он стоял в коридоре, сжимая кулаки, и смотрел на часы. 14:50. До «времени Совы» оставалось двадцать пять минут.

— Лев, — Анна взяла его за локоть. — Восьмая школа. Учительница. Она знала про Алену.

Они выехали через три минуты, игнорируя красный свет и знаки «кирпич».

Лидия Михайловна вела русский язык в шестом «А». Когда Громов вошёл в класс, она писала на доске схему причастного оборота, а ученики старательно выводили в тетрадях примеры.

— Лидия Михайловна, — сказал Громов с порога, не представляясь. — Алёна Липовская. Где она?

Учительница замерла. Мелок дрогнул в её пальцах, оставив белую жирную черту поперёк слова «причастие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.